

Музыке меня начали учить <в> 9 лет. Не знаю, кто рекомендовал учительницу, занимался я с ней неохотно, она не умела заинтересовать. Бывают у ребят какие-то странные фантазии, мне не давали покоя ее зубы — мне казалось, что они сделаны как бы из жеваной бумаги; сижу с ней, играю скучные упражнения, а сам все время думаю про ее зубы, и все хотелось мне ей это сказать, но, слава Богу, так и не решился. Проучила она одну зиму, и потом для брата и меня пригласили известного в то время преподавателя Иосифа Вячеславовича Рибу²³⁷. Он даже летом ездил давать уроки к нам на дачу на Башиловке (1884 г.). Его преподавание было до того скучно и сухо, что я заявил матери: «Люблю музыку, а Рибаставит меня ее возненавидеть, дайте мне другого учителя».

В то время был назначен в Москву директором консерватории В.И. Сафонов²³⁸, с ним был хорошо знаком профессор Борзенко, часто бывавший у нас в доме. Через него обратились к Сафонову, и он рекомендовал своего ученика (привезенного с собой из Петербурга) Давида Соломоновича Шора²³⁹. С ним я с удовольствием занимался до 2-го курса университета, когда неожиданно для него и для себя бросил заниматься на рояле. Случилось это так: у нашего приятеля Н.Н. Архипова был большой муз<ыкально>-литер<атурный> вечер. Участие принимали большей частью члены Общества искусства и литературы во главе со Станиславским. Василенко (тоже в то время ученик Д. Шора) и я играли в 4 руки танцы из оперы Рубинштейна «Фераморс». Василенко играл, кажется, листовскую парافразу оперы «Фауст», а я полонез Шопена и романс Рубинштейна и на «бис» посмертный вальс Шопена. Говорят, играл хорошо. Я же почему-то считал, что оскандалился, и, сойдя с эстрады, дал себе слово бросить серьезные занятия музыкой, о чем и объявил на другой день Шору, к его большому удивлению. Было, конечно, глупо, но я остался при своем убеждении и кончил. Брат после Рыбы занимался у Порфир. Тим. Конева. Конев — хороший музыкант, его юбилей, кажется, шел в Большом театре. Занималась сравнительно усердно музыкой сестра. Остальные братья остались глухи к музыке, несмотря на то что с ними одно время занимался молодой тогда Скрябин. Брат Александр потом почему-то увлекся флейтой, и то дальше одной арии из оперы «Руслан и Людмила», кажется, не пошел.

Будучи гимназистом 1-го класса, я стал учиться играть на скрипке, но почему-то бросил. С годами у меня появилось страстное желание играть в оркестре, и так как я видел, что, участь игре на скрипке, я не скоро смогу выполнить мою мечту, то, будучи в седьмом классе, решил заняться духовыми инструментами и стал вместе с гимназическим товарищем Евг. Пилацким брать уроки на корнете. Подучившись, я решил устроить духовой оркестр, для этого пришлось мне бросить корнет и купить себе самый большой духовой инструмент тубу (заменявший в духовом оркестре контрабас). Составили у товарищей духовой оркестр (15 человек) под управ-

лением помощника дирижера проф. филармонии Пут<а> (кажется, солиста на корнете в Большом театре), и первая репетиция состоялась как-то днем в воскресенье в столовой в нашей квартире. Это, конечно, был такой рев, что нас родительница для второй репетиции уже спустила в прачешную в подвальный этаж. Оркестр этот меня не удовлетворил, и на другой год я решил организовать настоящий <нрзб> оркестр, для чего я уже занялся валторной. Грому было меньше, и я получил разрешение репетиции устраивать в столовой днем по воскресеньям. Собралось нас более 20 человек, были и гимназисты, и реалисты, и студенты, и кадеты, и другие, были все инструменты, кроме гобоя, фагота, тромбона и контрабаса. Дирижировал оканчивавший тогда консерваторию скрипач Генрих Карлович Аренсон. Весной на Пасхе 1892 года (год окончания мною гимназии), поднаняв на нехватящие инструменты учеников консерватории, устроили мы концерт на дедушкиной даче на Старой Башиловке. Оркестр исполнил несколько номеров, в том числе марш Мендельсона из «Сна в летнюю ночь», *Andante cantabile* Чайковского и другие. Были солисты ученики консерватории и член оркестра студент скрипач Толстопятов. Публики было, по нашему мнению, много: человек 150, конечно, все даром. Между прочим, интересна судьба Аренсона. Во время репетиции он всегда подпевал каким-то тенорком и часто высоко фальцетом. По окончании консерватории он попал на службу в придворный оркестр в Петербурге, а затем, не знаю каким образом, он переехал в Берлин и, кажется, служил в оркестре в опере. Спустя лет, пожалуй, двадцать я случайно узнал, что в Берлине он пользуется невероятным успехом, в особенности в операх Вагнера как тенор. Позабыл, под какой фамилией он там пел. Рассказывали мне, что попасть в театр на спектакль с его участием было очень трудно²⁴⁰.

Я сильно увлекался своим оркестром, к каждой репетиции было много хлопот: и переписка нот, и транспонировка, и разучивание на валторне своей партии, так что в гимназии сильно забросил занятия. По окончании гимназии «гроза наша» учитель истории Смирнов сказал, что я держался на прежнем уровне только «благодаря своей старой заслуженной фирме» (конечно, не дедовской торговой, а личной, гимназической), а классный наставник учитель математики Разумовский, зная откуда-то мое увлечение оркестром, сказал мне: «Что же вы, батюшка, медаль протрубили?»

В 1880 году нас стали учить танцам. Преподавал старый балетный артист Большого театра Титов, еще учивший танцевать моего отца. Позднее, в 1885 году, уроки танцев возобновились. Летом учились у Чистякова в Меррекуле, а зимой нас стали возить по воскресеньям к старинным знакомым Епишкиным. Там были четыре барышни, наши ровесницы. Учил нас артист Большого театра Никитин. Об этих уроках я всегда с удовольствием вспоминаю. Оканчивались иногда уроки обедом у тех же Епишкиных, а потом все отправлялись (брали три ложи) в Большой театр в балет. У Епишкиных был особняк в Девятинском переулке на Новинском буль-